

С. Весто

ПРЕДЕЛ ШЕНБЕРГА

С. Весто
ПРЕДЕЛ ШЕНБЕРГА

 senvesto.com

Любое использование текста, оформления книги – полностью или частично – возможно исключительно с письменного разрешения Автора. Нарушения преследуются в соответствии с законодательством и международными договорами. *For information address: Copyright Office, the US Library of Congress.*

© **S. Vesto**. 2018
© **S. Vesto**. graphics. 2018

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ:

Настоящее издание было подвергнуто редакторскому пирревью системы искусственного интеллекта Tripod-X v.5.1. Ревьюер не несет ответственности за элементы содержания, способные нарушить требования человеческой цензуры.

Когда эволюция находится в раздумье,
для катаклизма бывает достаточно одного
неосторожного сомнения.

- Кутта Мл.

Когда мне в конце концов переслали эти несколько эпизодов тех окутанных молчанием событий с просьбой причесать их и упорядочить, с тем чтобы как-то уменьшить ту долю энтропии, в которой там и так не было недостатка, я по здравом размышлении решил ничего не трогать. Это были руины ушедших миров, развалины мертворожденных концепций, и ничто не убеждает тебя в том, что ты действительно все еще жив, как вид того, что уже мертво.

- Кутта Мл., из «Воспоминаний Виктимария
Времени»

Наемник

Инструктор в самолете сказал:

- Прыжок с грузовым контейнером не представляет большой сложности. Это как вождение в нетрезвом виде. Вы когда-нибудь водили автомобиль в нетрезвом виде?

- Нет, - сказал я. - Я не пью.

Инструктор улыбнулся.

- Жаль. Тогда бы у вас был шанс.

Мне он сразу не понравился. Как все представители элитных операторов, на наемников он смотрел как на недоразумение в чьей-то карьере: за те же деньги можно было умереть гораздо более простыми и гораздо менее мучительными средствами. Кто-то сказал однажды, что подразделения операций специального назначения от нормальных людей отличает лишь соотношение удовольствий в обычном русле жизни. На пять процентов радости от точного знания того, у кого прибор длиннее, приходится сорок пять процентов не всегда переносимой боли. Об остальных пятидесяти процентах, которые приходятся на счастливый случай, часто просто необходимый в такого рода делах, профессионал старается вслух не говорить. То, что здесь называли грузовым контейнером, мне нравилось столько же, сколько инструктор с его юмором. Он был размером с мой горный рюкзак и весил так, что мне сразу расхотелось летать. О грузовом контейнере и прыжках с ним с самолетов я знал только то, что перед приземлением его нужно отстегнуть и сбросить на тресе под себя вниз. Но не раньше, чем купол уверенно сядет на плотный поток воздуха.

- Обычно на эту программу у нас отводится четыре месяца. Но для тех, кто торопится, армия всегда готова пойти навстречу.

Он снова не стесняясь, от души заржал, откидываясь назад, так что я с трудом удержался, чтобы не засунуть ему в рот свой SCAR вместе с глушителем. Я давно не прыгал с парашютом, и меньше всего собирался соревноваться с профессионалами. Впрочем, стропоуправление даже в

Антарктике работает одинаково. Я впервые честно спросил себя, не перегнул ли я палку со своим оптимизмом и верой в неизбежное светлое завтра.

Тогда и много позже мне не раз задавали вопрос, зачем социологу науки с профилем исследований, целиком лежащим в области экспериментальной философии, брать в руки бельгийский SCAR-H и прыгать с парашютом. Кто-то говорил, что это от избытка здоровья, кто-то предполагал в том попытку историка в последний раз прикоснуться пальцами к последним уцелевшим памятникам древней культуры перед тем, как до них доберутся варвары, чтобы пустить их на пыль, другие предполагали, что за этим неизбежно где-то должна стоять женщина и неудачная любовь. В конце концов мне до такой степени это надоело, что я решил написать книгу. Все мои горячо и искренне любимые сторонние наблюдатели не понимали, что все перечисленное могло составлять компоненты одной полноценной жизни.

Хочу сказать сразу: все, что вы знаете об операторах специального назначения, - неправда. Единственное, что правда, - это их бородастая шутка насчет пяти минут удовольствия повелителя миров, на которые приходится сорок пять минут непереносимой боли. Как везде, представителей пресловутых спецподразделений никто не любит. Но когда начальство задает свой обычный вопрос: «Кто готов умереть первым?» - охотно и сразу зовут их. Здесь можно улыбаться, но соглашаются все: это то, за что им платят деньги, надеясь получить взамен вполне реальный результат. Часто спрашивают, в чем отличие между двумя элитными частями специального назначения. Да вообще никакого. Одни любят купаться, другие нет. Конечно, если бы не низкая температура, тогда бы купались все. Но тогда бы все были хорошими и не было терроризма, а так не бывает. Элитный оператор, куда меня с шутками и дружескими шлепками впихнули за несколько минут до обещанной заброски, отличался от остальных только длиной трусов. Те же потные футболки, те же шутки, солнцезащитные очки и невыразимая скука на бородастых лицах. Этих не любили даже внутри армейского ведомства: их философский взгляд на жизнь «все мое ношу самолетами» способен из тихого финансового сектора сделать зоопарк урчащих зверей: все, что им может понадобиться в дороге, они сбрасывают на парашютах, от воды и вездехода-трицикла до походного туалета. Это не везде понимают. Спрашивается, кому тогда преодолевать трудности.

Я больше не хочу возвращаться к этой теме. Банальные экстремисты не моя специальность. Можно спуститься по ступеням времени за сто лет до этой эры и дальше - и найти те же самые лица и тех же самых питеков там. Только сегодня те неизбежные экскременты цивилизации мы снабжаем современным оружием и спутниковой связью. В моей компетенции - нечто другое, менее откровенное и что может быть более опасным. Гораздо, несоизмеримо более опасным. Кстати, если еще не пробовали элитный хлеб и если только представится такая возможность - искренне советую. Он не сделает вас лучше, но он сделает вас другим. Настолько другим, что потом, однажды открыв свой походный противоударный ноутбук на том самом профиле экспериментальной философии, вы приметесь удалять все, над чем так долго трудились.

И начнете делать все заново.

Пара вопросов о главном

Из книги Эльмо Броди «Homo sapiens, Технология и Дьявол: столкновение или объединение? Размышления об удачном ужине»

Нелегальные жители планеты Земля: к вам обращаются. Уплата подоходных налогов касается вас тоже. Вы особенные, что ли?

- Объявление на стене

...Создавая руины одного сознания – допустимо ли строить на них что-то еще?

Мне пришло это в голову, когда я как-то однажды вплотную столкнулся с проблемой общения со своим кухонным миксером, новая программа которого упорно не желала понимать, чего, собственно, я хочу от жизни.

Глядя на окружающий мир, невольно приходишь к заключению, что если бог где-то и существует, то он по всей видимости не подозревает о существовании человека. Возможно, это и к лучшему.

Я подумал тогда, согласно статистике, какая примерно часть населения этой планеты восприняла бы такой факт событий как поворотный момент в обычной эволюции своего дня и отказалась бы от ужина? Я не имею в виду тот процент, который бы пришел к решению покончить жизнь самоубийством, я о той категории вполне нормальных людей, что увидели бы в том повод задать главный вопрос. Господи, куда катится этот мир...

У меня есть пара вопросов, которые я придумал сидя у себя в машине по дороге на работу. Существует одна теория – говорят, кто-то ее придумал, стоя под напором воды в душе, – по которой объем информации, достигая определенного предела, переходит в новое качество. Это должно представлять для нас интерес, принимая во внимание тот бульон новостей, пухнувший под собственным весом, пока мы чистим зубы и ложимся спать. Как-то я даже видел мимоходом точные цифры того ускорения, с какой вот этот самый океан информации воспроизводит себя сам. Цифры показались мне тогда такими пугающими, что я поспешил их сразу забыть.

Но давайте спросим себя – сейчас мы вправе это сделать, просто как повод рассказать самим себе сказку перед тем, как мы окончательно отойдем ко сну и наутро всё благополучно забудем: действительно ли мы контролируем тот самый пресловутый информационный объем – или же он потихоньку уже контролирует нас?

Чтобы сказка на ночь действительно осталась добропорядочной сказкой, а не стала сюжетом для кошмара, я попробую себя немножко в роли *promoter fidei* – адвоката Дьявола и попытаюсь обескровить собственные чисто умозрительные спекуляции, найдя в них недостатки. Но все же: если допустить, что упомянутая выше и ряд сходных ей теорий верны, то возможно ли, что мы или кто-то из нас, так сказать, несчастные среди несведущих, смогли бы отличить сфабрикованную реальность? Так сказать, поймать Дьявола за хвост?

Поступим просто: первый вариант ответа – «нет». Мы и никто другой не сможет этого сделать уже в силу самой исходной установки задачи. Как настаивают столетия чужого опыта, Дьявол нам не по зубам. Скажем себе: возможно, это и к лучшему, у меня в ванной уже месяц кран протекает,

вторую неделю мучает какой-то невообразимый насморк и полно других более важных дел.

Но если ближе к реальности будет вариант ответа номер два – «да, такое возможно», кое-кому под силу отличить подsunутую Дьяволом реальность и поймать его за хвост, - то в этом случае, боюсь, у нас у всех большие проблемы. Потому что рано или поздно кто-то это сделает и затем еще попытается показать другим, - и тогда нам всем придется думать, как жить дальше с тем, что мы не в силах изменить.

Тех, кто уже понял, о чем речь, и поспешил закрыть книгу, чтобы выключить свет и отойти ко сну, мы хорошо поймем и извиним: им завтра рано вставать. Для всех же остальных, кто еще остался, мы поспешим напомнить, что это не более чем продукт умозрения – возненаучная спекуляция: так сказать, сказка для всё познавших. Когда никто ничего не знает определенно, все вправе предположить, что всё на деле гораздо хуже. И тем не менее.

Мы цепляемся своим сознанием за привычные нам детали, понятия, которые придумали в силу конструкции нашего голосового аппарата, реальность, которую не понимаем, но которую привыкли считать своей просто потому что она одна из известных нам дала возможность выжить, строим из тех надерганных деталей сплетни, слухи и далеко идущие прогнозы, посредственные книги и смертные приговоры – но нигде никогда всерьез не рассматриваем варианта, что в действительности нас нет – как нет этих деталей...

Но вот приходит кто-то и говорит: ребята, все чуть сложнее, чем мы сами себя приучили думать. Вселенной, ту, которую мы воспринимаем в том виде, в каком воспринимаем, нет тоже – и никогда не было. Это лишь чистый продукт ограниченности восприятия того, чего, как мы уже подозреваем, в действительности нет.

И тогда что делаем мы? А ничего. Когда у тебя в ванной протекает кран, лишь совсем немногие попробуют ответить для себя на пару основополагающих вопросов своего существования.

Таким образом, можно считать доказанным, что даже в рамках предложенной конструкции тот элемент, который привык называть себя разумной формой жизни (вид *Homo sapiens*), практически ничем не отличается от механизма – и его механической последовательности действий хватает ровно на то, чтобы вовремя отойти ко сну и повторить все на следующий день сначала. Без вариаций в той же самой последовательности. Неплохо, правда?

Но дальше еще хуже.

Мы инстинктивно оборачиваемся назад, на тысячелетия строительства и разрушений, лежащих у нас за спиной как благословение дьявола, и похожих одно на другое, как эпос микроорганизмов, - и видим в тех тысячелетиях то же самое. Мы строим руины того, что воспринималось нами как будущее, но так и не сумели ответить на вопрос: почему у нас получается совсем не то?

Удрученные зрелищем, мы с надеждой в сердце бросаемся к тем немногим из избранных, которых принято называть умами цивилизации, менторами и учеными, казалось бы, уже в силу самого рода деятельности призванными задавать себе всё тот же вопрос куда катится этот мир. И что мы видим? Совершенно ту же картину. Все они вместе и каждый в отдельности с головой погружены в свои темы, которые, ясно, за них никто делать не будет.

Уверен, кто-то уже успел уловить, куда я клоню. Механическая последовательность действий элементов в информационной среде, которая, как мы предположили, не находится под их контролем.

Кто-то однажды определил Дьявола как большие неприятности, которые слишком много знают: для простых обобщений он слишком далеко видит. Спрашивается, чем это отличается от определения просто умного человека. И тогда другой вопрос, так ли уж действительно и определено, что два разумных человека всегда сумеют договориться?

Но давайте попытаемся дать определение того, как бы выглядел наш с вами Дьявол в обстановке, близкой нам – в условиях современного окружения.

Во всех известных культурах так или иначе можно найти понятие человека, обладающего ограниченным набором качеств, другим недоступных. Называли этих людей по-разному, но редко – хорошим словом. Смысл сводился к одному. Если попытаться дать совсем сжатое определение гения, мудреца, воплощения истины, но-ками и как бы там его еще ни пробовали назвать, то во всех случаях обнаруживаются два качества: он другой; он видит то, чего не видят другие.

Иначе говоря, этот чрезвычайно редкий тип носителей разума определяют те же самые качества, что и клинического шизопараноика. Спрашивается, в чем отличие.

Так вот, я бы сказал, что никакого. По крайней мере, при такой постановке и под таким углом зрения.

Видимо, отличие можно найти в том, что то, что видят они оба, и чего не видят все другие, в принципе способно по-разному влиять на будущее – по крайней мере, в том виде, в каком его у нас принято понимать. Предполагается, что гений своей особенной проницательностью способен открыть в сумерках будущего преимущества, равно как и отсутствие оных, для многих; видения же шизопараноика существуют только для него одного. Вот и весь конкордат отличий.

Но вот в чем сложность. При ряде определенных условий наш шизопараноик тоже способен создать целую массу проблем, и тоже для многих. Вопрос лишь в том уровне механизмов власти, которые ему доступны.

Разумеется, не из чего не следует, что гений непременно должен быть образцом добродетели, приятный лицом и покоряющий манерами. Больше того, он именно в силу своей способности быть на шаг впереди очень просто может доставить массу беспокойства не только своему окружению, раздражающему своей законченной бестолковостью, но и гораздо большему числу людей, которые вообще о нем никогда не слышали. Говоря проще, он легко создаст проблемы этим многим, и разглядеть те проблемы может оказаться задачей весьма не простой. Наибольшее количество оборудования способен вывести из строя наиболее компетентный состав сотрудников.

Все это хорошо, но вот вопрос: что, если наш гипотетический шизопараноик, который, как мы выше вынуждены были согласиться, сам тоже своей непредсказуемостью способен запросто поставить окружение в затруднительное положение, однажды в силу своей клинической неординарности поселит в свой мир всех остальных? Для него не существует понятия времени – в том смысле, каким его видят остальные, и поэтому понятие пространства не содержит для него значения, соотносимого с нашим.

И он тем опаснее, чем он разумнее.

Зачем я это все рассказываю. Я просто не знаю, как осторожно подобраться к сути, так чтобы никого не перепугать раньше времени. Здесь я попытаюсь доказать, что такое явление, как гений, но-ками – словом, то самое пресловутое «воплощение истины», к которому как бы всеми лучшими устремлениями тянулся старый добрый вид *Homo sapiens*, по определению всегда подлежал умерщвлению.

Это механизм защиты посредственности.

Принято считать, что существует две возможности сосуществования в стае, стаде, социуме: социальная интеграция либо остракизм. Социальная интеграция как эволюционное приобретение предполагает выполнение требований, установленных Большинством и, как следствие, того, что ими сочтено «хорошим»: моральными принципами. Вы подчиняетесь пожеланиям Большинства – и вам оно разрешает жить. Всё просто. Взамен особи получают увеличение шансов на выживание – тоже, в эволюционном смысле.

Вторая из возможностей, остракизм, понятно, резко снижает вероятность такой особи выжить. Это особенно не просто сделать, принимая во внимание, что обычным порывом того самого Большинства в конце концов становится критерий «все, кто не с нами, тот против нас». Против «нас» идти бывает как минимум проблематично, что тоже понятно. Таким образом, возникает вполне конкретный селективный отбор: наибольший шанс на выживание получают те особи, кто максимально приближен своими достоинствами к некоему усредненному показателю. Показатель этот называют по-разному – «посредственность», «серость», – но смысл тот же:

в соответствии с законом естественного отбора, выживает крепкая числом средняя серая масса. Всё остальное уходит. Уходит, понятно, не в отпуск, не на повышение, а, так сказать, «насовсем».

Что происходит с особями, по ряду причин не отвечающими кодексу Большинства, очевидно. Они определяются изгоями, со всем рядом прилагающихся последствий. Разумеется, общественный кодекс бывает разный, и, скажем, кодекс, определяемый чернью (в терминологии Античных эпох), или, беря более частный случай, некой уголовной группой, носителю разума с иными установками следовать было бы сложно. Вопрос в том, что это никого не интересует. А зря.

Никто не задавал вопрос, что, если однажды такое «отклонение от нормы» начнет брать на себя ту же задачу и примется выживать – и тоже в эволюционном смысле.

Но вот какое дело. Гений, «воплощение истины», этот наш квинтэссенция всех эволюционных усилий разума, просто обязан быть маргиналом – он должен быть им по самому своему определению. Попросту говоря, он не предназначен для выживания. Он может гвоздем прибить свои главные тезисы, остракизм и изоляция, к воротам в ад, который Большинством назван теплым хлебом, он может этого не делать, но сути это не меняет.

Словом, гений – это некая вероятностная величина некой гипотетически неопределенной занозы в заднице. Он ничего еще не сделал, а у нас уже от него проблемы.

И тем не менее решать нам что-то нужно. Что-то на уровне простых сугубо доступных нам понятий.

Но я бы определил явление – или, много точнее, состояние – гения как пограничную зону между сумасшествием и обыденностью. Потребители ЛСД, в этом месте востепенушиеся и начавшие радостно потирать руки,

могут сесть, где сидели. Вашего восприятия времени вряд ли даже хватит на то, чтобы дочитать эпизод до конца и попытаться вспомнить начало.

Как бы то ни было, мудрость – это способность видеть суть и отсекаать лишнее. Сегодня я хочу попробовать себя в роли гения – ну и немножко шизопараноика. «Аллаху акбар», - как сказала одна бабушка стоя на самом краю мостика, зажимая нос двумя пальцами и переходя непосредственно к водным процедурам.

Купить книгу С. Весто. ПРЕДЕЛ ШЕНБЕРГА:

Печатная книга по технологии книга по требованию (без посредников)

senvesto.com